

Kanysheva, O.A. (2020). Leibniz on the psyche and consciousness: the phenomenon of the unconscious (in Russian). *Past and present in the philosophy of social development. Collection of Scientific Articles, 02 (02)*, 4-16. European Scientific e-Journal. Hlučín-Bobrovniky: "Anisiia Tomanek" OSVČ.

ESEJ: phi2020-09-001

DOI: 10.47451/phi2020-09-001

Каньшева, О.А. (2020). Лейбниц о психике и сознании: явление бессознательного. *Past and present in the philosophy of social development. Collection of Scientific Articles, 02 (02)*, 4-16. European Scientific e-Journal. Hlučín-Bobrovniky: "Anisiia Tomanek" OSVČ.

Olga A. Kanysheva

Candidate of Sciences in Philosophy

Associate Professor

Department of Philosophy

A.S. Pushkin Leningrad State University

St. Petersburg, Russia

E-mail: k-55o@yandex.ru

Leibniz on the psyche and consciousness: the phenomenon of the unconscious

Abstract:

The article examines Leibniz's teaching about monads, the nature of which resembles the description of Aristotle's entelechy, which allows Leibniz to get away from the dualism of Descartes' substances, to show their metaphysical connection through the hierarchy of ascent from simple to complex monads due to the ability to reflect one monad into another through the all-pervading unity of God.

Keywords:

monad, entelechy, substance, soul, consciousness, unconscious, pre-established harmony, God, reason, all-connection, nature, metaphysics.

Ольга Альбертовна Каньшева

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: k-55o@yandex.ru

УДК 122

Лейбниц о психике и сознании: явление бессознательного

*«Мудрость — это совершенное знание
принципов всех наук и искусство их применения».*

Лейбниц [4, 97]

Аннотация:

Статья рассматривает учение Лейбница о монадах, природа которых напоминает описание энтелехии Аристотеля, что позволяет Лейбницу уйти от дуализма субстанций Декарта, показать их метафизическую связь через иерархию восхождения от простых монад к сложным благодаря способности к отражению одной монады в другой через всепроникающее единство Бога.

Ключевые слова:

монада, энтелехия, субстанция, душа, сознание, бессознательное, предустановленная гармония, Бог, разум, всесвязь, природа, метафизика.

Вступление

Рене Декарт поставил сознание во главу психики, сделал ее центральной темой философии. «Впервые о метафизичности души говорит Р. Декарт» [1, с. 121]. Его традицию продолжает Готфрид Вильгельм Лейбниц, который разделил понятия психики и сознания. «Я опубликовал новую систему, которая представлялась способной объяснить связь души и тела» [5, с. 64]. Наряду с понятием души появляется термин психика (от др.-греч. *ψυχή* «душевный, жизненный»). Теперь появились, не два термина: душа и сознание, а три: душа, сознание, психика.

Монады Лейбница являются некоторым единством двух субстанций, телесной и духовной и выражают духовно-материальное единство. «Бог создал тело так, что оно в силу собственных законов может исполнять намерения разумной души» [5, с. 67]. Появляется вопрос о том, как сосуществуют врожденные идеи и инстинкты? Отличие их заключается по Лейбницу в том, что инстинкты в человеке имеют смутное выражение, а врожденные идеи обнаруживают себя в мышлении ясно и отчетливо. Можно предположить, что здесь мы имеем дело, с одной стороны, с бессознательным в душе человека, а с другой – с сознанием. Тогда монада – это душа, в которой Лейбниц находит единство бессознательной и сознательной жизнедеятельности души. Лейбниц отошел от сознания Декарта, он не скрывает, что он не картезианец, а скорее всего, он ближе к Спинозе, т.к. усматривает единство протяженной и духовной субстанций в Боге, где само это *единство двух субстанций представляет как монаду*. «(В)сякая душа – это своеобразное и постоянное зеркало универсума и содержит в своём существе порядок, соответствующий порядку универсума, что души разнообразят и представляют универсум на бесконечное множество ладов, которые все различны и все истинны, что души, так сказать, умножают универсум во столько раз, сколько это возможно, так как сообразно с этим они приближаются к Божеству на сколько возможно соразмерно различию их степеней, и дают универсуму всё совершенство, к какому он способен» [2, с. 368].

Лестница монад соединяет низшие и высшие монады, где вершиной всей монадической иерархии является Бог. И он тоже является монадой. Бог и монада совпадают у Лейбница, где монада является тем образом души, который был принят древнегреческой философией. Только теперь это уже не «душа», как у Платона, и не «сознание», как у Декарта, а это «монада». Универсальность монады состоит в её способности отражать весь мир, точнее быть одним из миров. Монада

всепроницающая и в этом её божественная природа, которая повторяет одно из фундаментальных свойств Бога быть одновременно везде и нигде. «Бог Лейбница – это не только абсолютное знание как совокупность всех вечных истин в их единстве, обобщении и интуитивном постижении и не только абсолютная мощь, но и всеобщая связь, принцип и полнота единства всех связей действительности [7, с. 123].

Врождённое знание также, как и инстинкты не могут быть ясными и отчётливыми. Тогда чем одни отличаются от других? У Лейбница незаметно сближаются инстинкты и врождённые идеи. «(Д)уша есть некий микрокосм, в котором отчетливые идеи являются представлением Бога, а неотчетливые – представлением вселенной» [3, с. 109]. Душа является единством духовной и материальной природы человека.

Известное высказывание И. Канта о двух мирах, которые представляют собою две тайны в форме звездного неба над головой и морального закона в сердце каждого человека, у Лейбница звучат как учение о двух интеллектуальных лабиринтах разума. «Есть два знаменитых лабиринта, в которых очень часто блуждает наш разум: один связан с великим вопросом о свободе и необходимости, преимущественно же о происхождении и начале зла; другой состоит в споре о непрерывности и неделимых, представляющихся элементами этой непрерывности, куда должно входить также исследование о бесконечном. Первый лабиринт запутывает почти весь человеческий род, второй же затрудняет одних только философов» [5, с. 53].

Отличие Лейбница от Декарта заключается в том, что он предпринял показать развитие разума, который является продуктом не только мышления, как это полагали рационалисты, но и продуктом развития чувств, с которыми связана диалектика и история. «Внеисторизм, агенетизм понимаемого таким образом разума был прямым результатом его вчувственного истолкования. Тем самым, метафизика как сугубо умозрительное учение о наивысших принципах как философии, так и всякого знания вообще выявляла и своё антидиалектическое содержание» [2, с. 25].

Преформизм у Лейбница – это убеждение в том, что зародыш является копией уже развившегося организма. «Душа роднит животный организм с человеческим, но в последнем она трансформируется в дух (*l'esprit*). Этим словом Лейбниц обозначает всю сферу человеческого сознания» [2, с. 49].

Бытие и Ничто в философии Лейбница означает наличие такой тонкой материи, которая не ощущается и по этой причине она есть Ничто, но при этом

она и не изменяется, не движется, т.е., она есть наполненность, или Дух. «Если бы тела были лишены духа, то движение не могло бы быть вечным» [2, с. 116].

Субстанции Лейбница имеют свойство отражать мир индивидуально, поэтому мир предстаёт с разных позиций и как-бы умножается на количество субстанций. «Кроме того, каждая субстанция есть как бы целый мир и зеркало Бога или всего универсума, который каждая субстанция выражает по-своему, так же как один и тот же город смотрится по-разному в зависимости от различных положений наблюдателя. Таким образом, универсум, так сказать, умножается во столько раз, сколько существует субстанций, и слава Бога увеличивается от такого количества совершенно различных воспроизведений его Творений» [2, с. 132-133].

Лейбниц рассматривает причинно-следственные отношения с точки зрения разума и с точки зрения опыта одновременно как существование двух видов последовательности: необходимой и случайной. «(С)вязь, или последовательность, бывает двух родов: одна — абсолютно необходима, и противоположное ей заключает в себе противоречие; такая связь бывает в вечных истинах, каковы геометрические истины. Связь второго рода необходима лишь по предположению и, так сказать, косвенно (*par accident*); в себе же самой она случайна, ибо противоположное ей не заключает в себе противоречия» [2, с. 136].

Природа и Бог отражаются друг в друге согласно предустановленной гармонии Лейбница. «Потому что, хотя я и не признаю, чтобы душа могла изменять законы тела или тело могло изменять законы души, и я ввёл предустановленную гармонию, чтобы избежать этого изменения, тем не менее я допускаю действительное единение между душой и телом, составляющее их основу (*suppôt*). Это единение есть метафизическое, между тем как единение через влияние (*influence*) есть физическое» [5, с. 109].

В душе есть идеи, которые пребывают на бессознательном уровне и понятия, которые образуются благодаря их осмыслению, или осознанию. «Так, те выражения (*expressions*), которые существуют в нашей душе независимо от того, представляем мы их или нет, можно было бы назвать идеями; те же, которые мы представляем или образуем, — понятиями (*conceptus*)» [2, с. 152].

Свет души есть интеллект, или разумная часть души. Для мистиков это сияние наглядно воплощается в светящемся нимбе, для философов это деятельность разума. «Поэтому можно сказать, что торжество истинного разума, просвещенного Божией благодатью, есть в то же время торжество веры и любви» [5, с. 104].

Наши смутные чувствования отражают многообразие переживаний и ощущений, которые являются выражением бесконечной всесвязи всего живого. «Понятно также, что восприятия наших чувств даже тогда, когда они бывают ясны, необходимо должны заключать в себе некоторое смутное чувствование: так как все

тела в универсуме, так сказать, сочувствуют друг другу (*sympathisent*), то и наше тело получает впечатления о всех других, и, хотя наши чувства соотносятся со всеми другими, душа наша не может обращать внимание на каждую из них в частности, поэтому-то наши смутные чувствования суть результат разнообразия восприятий поистине бесконечного» [2, с.159].

Лейбниц сравнивает индивидуальный дух с целым миром, уподобляя его в то же время Богу. «(О)дин дух стоит всего мира, ибо он не только выражает его, но и познает его, и управляется в нем наподобие Бога» [2, с.162]. При этом одни субстанции больше выражают мир, а другие – Бога. Дух ближе всего к Богу. И Бог более всего ближе к Духу. «Бог более взирает на самую малую из разумных душ, чем на всю машину мира» [2, с. 163].

Лейбниц ставит своей задачей соединить опыт и разум, считая это своеобразным искусством. При этом Лейбниц предостерегает, что чрезмерное увлечение опытом, может привести к бессмысленному накоплению фактов, когда «не раскрываются причины сокровенных действий природы, покуда имеется лишь беспорядочный хаос разрозненных фактов» [2, с. 173]. Метафизика есть знание причин и Бог в ней не «бессознательная природная сила», а источник разума и воли. Занятие самой метафизикой есть познание принципов вещей мира.

Лейбниц убежден в тождестве мышления и бытия. «Но я полагаю, что в природе никогда не встречается ни одного такого случая, который до такой степени нарушал бы требования разума» [2, с. 209].

Идея развития рассматривается у Лейбница через идею всевязи. «По моему убеждению, в силу оснований метафизики все в универсуме связано таким образом, что настоящее таит в себе в зародыше будущее и всякое настоящее состояние естественным образом объяснимо только с помощью другого состояния, ему непосредственно предшествовавшего» [2, с. 211-212].

Согласно Лейбницу между вещами мира не существует прерывности, одно переходит в другое: минералы, растения, животные, человек. Бог.

«Закон непрерывности требует, чтобы и все особенности одного существа были подобны особенностям другого, если только существенные определения первого подобны существенным определениям второго» [2, с. 213].

Мир в целом представляет собой многообразие единств, где высшим единством всего со всем является Бог. «(Д)ухи — это первичные единства мира, ближайшие подобия первого Существа, ибо отчетливо воспринимают необходимые основания истины / т.е. основания, которые побудили (*movere*) первое Существо и должны были образовать мировое целое» [2, с. 236].

В философии Лейбница звучат идеи современной синергетической теории, где речь идет о колебаниях системы перед выбором дальнейшего развития, что

случайность может развернуть систему в другом направлении по отношению к складывающейся тенденции. При этом Лейбниц уповает на ограниченность рассудка, который не в состоянии предвидеть будущее, т.к. утопает в многообразии явлений. И это совершенно оправданно, т.к. незначительные события могут изменить мир глобально. «Например, я считаю себя вправе утверждать, что мушка могла бы вызвать изменения в целом государстве, если бы она летала перед самым носом короля, принимающего в этот момент важные решения; ибо может случиться так, что рассудок его в этот момент уподобляется весам в поисках одинаковых оснований как для одного, так и для другого решения» [2, с. 238]. Но это означает неспособность видеть причин мира и рассматривать его события как придётся.

Учение о субстанции позволяет рассмотреть действующую активную силу, как её природу и увидеть её в мире природы и в мире духа. «(С)убстанция должна быть простой (неделимой) и активной (способной к спонтанным изменениям) [6, с. 116]. При своём возникновении материя наделена способностью действовать, что можно также сказать и о духе. «А активная сила содержит в себе некую действительность, или энтелехию, и составляет нечто среднее между способностью действия и самим действием, предполагая устремление; она сама по себе направлена к осуществлению и не нуждается во вспомогательных средствах, а только в устранении препятствий» [2, с. 246].

Субстанция в философии Лейбница производна от энтелехии Аристотеля: это первоматерия, наделенная энергией, которая говорит об относительности покоя и непрерывности движения даже в скрытой форме. Это позволяет Лейбницу объяснить единство души и тела.

Лейбниц пишет о субстанциях как своеобразных точках, стягивающих все элементы воедино. Они не материального происхождения, это метафизические точки, которые образуют подлинное единство. «Далее, через посредство души, или формы, существует истинное единство, соответствующее тому, чему дают название «я» в нас самих; это то, что не может иметь места ни в искусственных машинах, ни в простой массе материи, как бы она ни была организована: на такую массу можно смотреть только как бы на армию, или стадо, или пруд, полный рыбы, или как бы на часы, составленные из пружин и колес» [2, с. 276].

Познавательные способности души связаны со способностью отражения мира. Лейбниц создает гипотезу о единстве души и тела, основанную на общении тела и души, вызванную гармонией мира, которая позволяет его познавать. Душа является точкой, объединяющей телесное множество. В таком случае наша душа это целый мир.

«И так как эта природа души обладает способностью представления универсума весьма точным образом (хотя и более или менее отчетливым), то такая

последовательность представлений, производимых в себе душою, естественно, будет соответствовать последовательности изменений в самом универсуме» [2, с. 279].

Лейбниц полагает, что физическая необходимость вытекает из метафизической по причине необходимости полноты бытия. «И как возможность есть начало (*principium*) сущности, так совершенство (или степень сущности), состоящее в совместной возможности наибольшего числа вещей, есть начало существования» [2, с. 285].

Теория отражения, принятая современной философией, связана с учением о страдании Лейбница, который пишет, что «сама субстанция вещей состоит в *силе действия и страдания*» [2, с. 297].

Лейбниц создает учение о монаде, которая есть единство телесной и духовной субстанций, которое представляет первую двигательную силу, или энтелехию. «Это и есть субстанциальное начало, которое в живых существах называется душой, в других же – субстанциальной формой; а поскольку оно составляет с материей действительно одну субстанцию, или единое само по себе, оно образует то, что я называю монадой» [2, с. 300]. Энтелехия есть воплощение божественного закона в вещи, который выражается как первичная сила действия, движение, веление Бога. Тело – это не единство материи и духа, а есть душа, или форма, аналогичная душе, т.е. субстанциальный элемент, или монада, обладающая первичными свойствами влечения и восприятия. Монада Лейбница есть единство материи и духа. Тогда тело – это не модификация материи, как учит Р. Декарт, а действующая во всей материи «жизненное, или внутри действующее начало», душа [2, с.301].

Бог есть монада, или действующая энергия в мире, порождающая его целесообразность. «Спонтанность – не в чём ином, как собственно в энтелехии (для которой эта точка есть точка зрения), и в то время как точка сама по себе может лишь обладать склонностью двигаться по касательной к этой линии, так как у точки нет, если можно так выразиться, ни памяти, ни предчувствия, энтелехия выражает предустановленную кривую, именно её, и окружающие тела не могут влиять на эту душу, или энтелехию; в этом смысле ничто её не насилует» [2, с. 330].

Лейбниц возвращает чувственность животным, которых Декарт рассматривал как машины. До этого момента в философии метафизика воспринималась как знание умопостигаемых вещей и никак иначе. Чувственность рассматривалась как от лукавого, обманом мира умопостигаемого. «Таким образом, следует делать различие между восприятием-перцепцией, которое есть внутреннее состояние монады, воспроизводящее внешние вещи, и апперцепцией-сознанием, или рефлексивным познанием этого внутреннего состояния, каковое дано не всем душам, да и у одной и той же души бывает не всегда» [2, с. 406].

Лейбниц рассматривает Бога как разум, который является принципом построения мира. «Бог не является ни Мировым Разумом, ни Надмировым Разумом, а Вездесущим Разумом, находящимся и внутри, и вне мира. Он присутствует во всем, действует через всё и стоит выше всего» [2, с. 440].

Лейбниц сравнивает эмпириков-материалистов, которые уходят от метафизики и создают мир науки, опирающийся исключительно на опыт, с животными. «Животные – чистые эмпирики и руководствуются только примерами, так как, насколько можно судить об этом, никогда не доходят до образования необходимых предложений; люди же способны к наукам, покоящимся на логических доказательствах» [3, с. 50].

Материя – это чувствилище, или бессознательное души. Чувственная часть души соприкасается с внешним миром и является его выражением и интуицией. Мыслящая часть души соприкасается с внутренним миром и является выражением метафизики. Предустановленная гармония Лейбница, вызванная разумностью Бога, порождает возможность сосуществования мира внешнего и мира внутреннего. «Впрочем, есть тысячи признаков, говорящих за то, что на каждый момент в нас имеется бесконечное множество восприятий, но без сознания и рефлексии, т.е. имеются к самой душе изменения, которых мы не сознаем, так как эти впечатления либо слишком слабы и многочисленны, либо слишком однородны, так что в них нет ничего отличающего их друг от друга; но в соединении с другими восприятиями они оказывают свое действие и ощущаются – по крайней мере неотчетливо – в своей совокупности» [3, с. 53].

Лейбниц рассматривает ощущение и мышление, как способности, не присущие материи. У него появляются две гипотезы, согласно которым эти свойства либо вложены Богом в, либо присоединены в форме субстанции. «Таким образом, ощущение и мышление не есть нечто естественное для материи, и они могут возникнуть в ней лишь двояким способом. Один из них заключается в том, что Бог присоединяет к материи некоторую субстанцию, которой по природе свойственно мыслить; а другой – в том, что Бог чудесным образом вкладывает в материю мышление» [3, с. 67]. При этом у Лейбница рождается допущение, что материя может быть одушевлена чудесным образом [3, с. 68].

В отличие от Декарта, который считает мышление сущностью сознания, Лейбниц приходит к заключению, что мышление есть деятельность души. «Теофил. Разумеется, мышление есть деятельность и не может быть сущностью, но это существенная деятельность, и все субстанции обладают такими существенными деятельностями» [3, с. 162]. При этом он подчёркивает, что деятельность души связана не всегда с осознанием того, что происходит, скорее всего, это неотчётливые, бессознательные восприятия. «Энтелехии, т.е. первоначальные или

субстанциальные тенденции, сопровождаемые восприятиями, суть души» [3, с. 170]. Расхождение Декарта и Лейбница связано с характеристикой «Я», которое является у Декарта чистым сознанием, в то время как Лейбниц рассматривает «Я», как не только мыслящее существо, но и его существование. «Для Декарта это «нечто», мыслимое моим «Я», отделено в своей недостоверности от «Я», и «Я» остается, как чистая беспредметная действительность, постоянная деятельность. Иными словами, Декарт утверждает факт чистого самосознания. Для Лейбница непосредственная данность одинаково захватывает мыслящее «Я» и мыслимое им, «субъект» и «объект»» [8, с. 26].

Благодаря сознанию возможно осознание своей индивидуального «Я». Революция Нового времени заключается в открытии «Я», как осмысления себя автономной личностью, что отражается в принципе монадности мира Лейбница, как пути к его индивидуализации. «Действительно, так как сознание (*consciousness* или *consciosité*) всегда сопровождает нашу мысль и так как благодаря ему каждый есть то, что он называет своим «я» и благодаря чему он отличается от всякой другой мыслящей вещи, то в этом одном и заключается личное тождество, или то, в силу чего разумное существо остается всегда тем же самым [3, с. 236].

Бессознательное есть единство телесной и духовной субстанций, Бога и природы. Сознание фильтрует информацию, где критерием является реальность, опытность, здравый смысл. Бессознательное есть интуитивное знание Бога и природы. Г.В.Ф. Гегель видит проблему дуализма Декарта и параллелизма Лейбница в некорректном рассмотрении души и тела с позиции рассудка как равноценных понятий. На его взгляд они выступают в отношении друг к другу как *всеобщее и особенное*, как идея и её воплощение согласно Платону. Поэтому, душа и тело есть единство, где одно без другого не существует. Они обнаруживают свое единство в Духе, который является единой субстанцией. Т.к., если бы мы рассматривали душу и тело как две субстанции, то тем самым утверждали их независимость в отношении друг к другу и невозможность влияния друг на друга [9].

Дух, с одной стороны, является универсальным сознанием, а с другой, стихией мышления, растворенной в природе, а, значит, выступающей как бессознательная сила. Дух и бессознательное могут стать взаимозаменяемыми категориями в контексте времени. Нужно согласиться с тем, что бессознательное в психоанализе напоминает чем-то природу духа в философии Гегеля, т.к. содержит в себе коллективную память по К.Г. Юнгу, духовный опыт по З. Фрейду.

В духе, как и в бессознательном, в единстве находятся душа и тело, и не существует одно без другого. Лейбниц видел упущение Декарта в том, что тот не находил связи души и тела, в то время как Лейбниц рассматривал бесконечный ряд

превращений и переходов от более простых тел к более сложным и тем самым рассматривал связь материального и духовного, как бессознательного и сознания. «Эта самопроизвольность, до сих пор весьма малоизвестная нам и в наибольшей возможной степени усиливающая нашу власть над нашими действиями, есть следствие системы предустановленной гармонии» [5, с. 165]. Жизнь тела воспринимается нами как стихия бессознательного, т.к. душа соединена с телом, с одной стороны, и выступает для себя самой в чистой форме, как сознание, с другой.

Чувство – единство и борьба противоположностей; *воля* – переход количественных изменений в качественные; *ум* – отрицание отрицания. Декарт описывает деятельность ума, который отрицает телесную жизнь, наделяя его самостоятельностью, но, тем самым он отрицает и сознание, которое у Декарта не нуждается в телесной жизнедеятельности. Лейбниц уделяет внимание бессознательному, которое есть движение чувств от одной формы к другой, что аналогично пониманию воли. «(Многие современные мыслители признали, что нет никакого физического общения между душой и телом, хотя всегда существует метафизическое общение, вследствие которого душа и тело составляют одно и то же подлежащее (*suppôt*), или то, что называют лицом (*personne*)» [5, с. 166].

Душа – это вместилище чувств. Дух – это вместилище мыслей. «Ибо в душе существует не только ряд отчетливых представлений, находящихся в ее власти, но и ряд смутных представлений, или страстей, ввергающих ее в рабство. И этому не надо удивляться; душа была бы Божеством, если бы она обладала одними отчетливыми представлениями. Однако же она имеет некоторую власть и над этими смутными представлениями, хотя и не прямым образом; ибо хотя она не может тотчас же изменить свои страсти, но может, прилагая усилия, постепенно добиться успеха и может приобрести новые страсти и даже новые привычки. Подобную же власть она имеет над отчетливыми представлениями, возбуждая в себе косвенным образом мнения и желания или препятствуя возникновению каких-либо из них, воздерживаясь от суждения или торопясь с ним» [5, с. 168]. Мир явлений есть мир сна, майя, бессознательное. «(В)осприятия чувств, безусловно, сообщают нам ровно столько же истины о вещах, как и сновидения» [5, с. 115].

Ньютоновский параллелизм пространства и времени утверждается параллельно с предустановленной гармонией души и тела Лейбница. «Но только высший Разум, от которого ничто не ускользает, способен отчетливо понять всю бесконечность, все основания и все следствия» [3, с. 57]. Можно предположить, что теория А. Эйнштейна позволяет говорить о взаимозависимости души и тела также, как о об обусловленности пространственно-временных характеристик.

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что:

1. Лейбниц впервые создаёт учение о бессознательной жизни души, которая наряду с сознанием воспринимает окружающий мир, но, может быть не столь отчетливо, как сознание, которое у Декарта является единственной познавательной достоверностью.
2. Лейбниц корректирует положение Декарта, что «Я» есть сознание, утверждает наряду с мыслящим «Я», деятельностное «Я», или протяженное, «Я» - тело.
3. Лейбниц подвергает критике опыт, который опирается на смутность чувств, их непостоянство и отсутствие наблюдения глубоких причинно-следственных связей, которые способна увидеть лишь метафизика. Можно допустить, что Лейбниц подвергает критике современную теорию синергетики, которая рассматривает развитие мира, как хаосомность, что свойственно чувственному восприятию, не видя глубинных метафизических процессов и событий.
4. Лейбниц рассматривает природу как взаимодействующую систему разных уровней и способов существования и восприятия не смотря на метафизическое единство мира через принцип монадности, который предполагает отражение событий и явлений друг в друге.
5. Индивидуализация мира позволяет Лейбницу допустить существование не одной субстанции, а множество субстанций, или монад, которые образуют лестничную иерархию.
6. Заслугой Лейбница является то, что он ввел в научный обиход современное понимание личности, или «Я», как метафизическое единство телесной и духовной субстанций Декарта, где «Я» одновременно деятельностно в мире природы и в мире метафизики.
7. Сблизив Бога и природу, Лейбниц допускает тождество мышления и бытия.

Список источников информации:

1. Канышева О.А. Рационализм XVII-XIX вв. и проблема метафизики души. // Общество. Среда. Развитие. № 3(52), 2019. – с. 121-127.
2. Лейбниц Г.В. Сочинения в 4-х т.: Т. I / Ред. и сост., авт. вступит, статьи и примеч. В.В. Соколов; перевод Я.М. Боровского и др. – М.: Мысль, 1982. – 636 с.
3. Лейбниц Г.В. Сочинения в 4-х т. Т. 2 / Ред., авт. вступ. статьи и примеч. И. С. Нарский. – М.: Мысль, 1983. – 686 с.

4. Лейбниц Г.В. Сочинения в 4-х т.: Т. 3 / Ред. и сост., авт. вступит. статей и примеч. Г.Г. Майоров и Л.Л. Субботин; перевод Я.М. Боровского и др. – М.: Мысль, 1984. – 734 с.
5. Лейбниц Г.В. Сочинения в 4-х т.: Пер. с франц. Т. 4 / Редкол.: Б.Э. Быховский, Г.Г. Майоров, И.С. Нарский и др. Ред. тома, авт. вступ. ст. и примеч. В.В. Соколов. – М.: Мысль, 1989. – 554 с.
6. Майоров Г.Г. Теоретическая философия Готфрида В. Лейбница. – М.: МГУ, 1973. – 264 с.
7. Нарский И.С. Готфрид Лейбниц. – М.: «Мысль», 1972. – 239 с.
8. Сретенский Н.Н. Лейбниц и Декарт. Критика Лейбницем общих начал философии Декарта: Очерк по истории философии. / Послесл. Е. Малышкина, Д. Куницына. – СПб.: Наука, 2007. – 183 с.
9. Стивен Прист. Теории сознания. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – URL: <http://psylib.org.ua/books/prist01/>